

По неофициальным данным в России проживает приблизительно 13 млн. глухих людей. Если неслышащий человек зайдёт в обычный православный храм, то не услышит он ни Евангельского Благовестия, ни проповеди священника, ни пения хора.... Глухой не сможет пообщаться с верующими людьми, получить совет священника или духовное утешение...

Ситуация в этом отношении начала меняться лишь с 2000 г., когда в различных городах России усилиями немногих энтузиастов и при поддержке епархиальных архиереев начинает развиваться православное служение глухим.

С января 2006 г., в Петербурге по благословению Архиепископа Константина для воспитанников СПбДАиС будут проводиться занятия по обучению жестовому языку глухих. Научаясь языку глухих, будущие священники смогут проповедовать неслышащим людям в самых отдалённых уголках России. Однако им предстоит столкнуться с известными трудностями, так как духовно-просветительская работа с глухими имеет свои особенности.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ ДЛЯ ГЛУХИХ ЛЮДЕЙ.

По благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Высокопреосвященнейшего Владимира уже в течение пяти лет на территории нашего города ведётся духовно-просветительская работа с неслышащими людьми. Храм Святых Апостолов Петра и Павла, который находится на территории Педагогического Университета им. А.И. Герцена является единственным в Петербурге приходом, где совершаются богослужения для глухих людей.

За этот сравнительно небольшой период накоплен и обобщён достаточно большой опыт духовно-просветительской работы с глухими. Ежегодные встречи, семинары и конференции, которые организуются Отделом по делам молодёжи Санкт-Петербургской епархии и Православным Центром Глухих «СЛОВО» позволили выявить основные проблемы работы с глухими в Русской Православной Церкви.

Наиболее актуальной в работе с неслышащими остаётся проблема организации для них богослужений. Богослужение для глухих всегда вызывало, и будет вызывать интерес. Оно зрелищно и мало кого оставляет равнодушным. Проблема сурдоперевода богослужения всегда на поверхности, хотя мы и не считаем её главной. В чём же суть данной проблемы? Чтобы понять это, остановимся подробнее на механизме сурдоперевода богослужения. Православный сурдопереводчик представляет собой человека, которому, например, в течение 2-3 часов предстоит переводить на язык жестов православное богослужение. Ошибочно будет думать, что подбор жестов является очень серьёзной проблемой. Может лет 10 назад, да, но не сейчас, когда существует достаточное количество

соответствующей литературы и религиозных жестовых словарей. Проблема заключается не в этом, а в том, чтобы глухой понял артикулируемый сурдопереводчиком богослужебный текст. Жест сам по себе имеет значение только в том случае, когда он является зримым выражением некоего понятия, которое, кстати, у глухого может и отсутствовать. Если бы мы переводили только жестами, то, проблема заключалась бы в узнавании или не узнавании глухими жестов (понятий, выражаемых жестами) и их комбинаций и богослужение превратилось бы в одну сплошную загадку. Так, например, некоторые одинаковые жесты являются выражением абсолютно разных значений, а другие жесты сами по себе просто не могут выразить какое-либо умозрительное понятие, для которого нужен новый жест и предварительное объяснение. Скорее всего, в таком варианте глухие не поняли бы 90 % «текста». Или же богослужение превратилось бы в одно сплошное объяснение.¹ Мы не знаем точно, возможно ли в принципе перевести Литургию на *разговорный язык глухих*² (скорее всего в полной мере нельзя, во всяком случае, сделать это может только глухой человек). Этого пока никто не делал. Но мы знаем точно, что наш подход (артикуляция-жест или как говорят калькирующая жестовая речь, когда переводчик проговаривает богослужебный текст) используется практически во всех православных общинах глухих и является вполне доступным для восприятия глухого живущего церковной жизнью. Для неверующего глухого любой вариант сурдоперевода будет крайне трудным для восприятия, так как он просто не знает, что есть грех, благодать, жертвоприношение и т. д. Однако мы можем (и должны) использовать некоторые принципы разговорного языка глухих или как говорят русского жестового языка (РЖЯ) в наиболее трудных для понимания местах текста.

Знание, понимание и запоминание жестового языка православного богослужения достигается глухими только благодаря тому, что они владеют в той или иной мере словесной речью. Словесная речь сопровождает работу рук сурдопереводчика, а точнее, сурдопереводчик в первую очередь артикулирует, а жест сопровождает его артикуляцию. То есть, понимание глухими богослужебных текстов напрямую зависит от понимания ими речи считываемой с губ сурдопереводчика. Здесь то и лежит проблема: понимание глухими языка богослужения, сопровождаемого в нашем случае жестами.

Например, сурдопереводчик может просто калькировать слышимое на богослужении (артикулировать церковно-славянский текст, сопровождая его жестами). Но насколько понятным будет для глухих такой текст?

Поясним, что речь глухого человека по сравнению со слышащим гораздо менее развита (лишившись в раннем возрасте слуха, глухой не может самостоятельно развивать свою речь). Мышление глухого обладает

¹ Отметим, что вышесказанное относится только лишь к сурдопереводу богослужений. В сфере бытового межличностного общения глухие свободно пользуются русским жестовым языком (РЖЯ), который не требует артикуляции и подчинён отличной от словесной речи грамматике. При сурдопереводе мы используем большей частью, калькирующую жестовую речь (КЖР), понимание которой действительно во многом зависит от уровня овладения глухими словесной речью.

² В науке используется вышеуказанный термин РЖЯ.

определённым своеобразием (в частности, процессы анализа преобладают над процессами синтеза). Информационное пространство неслышащего ограничено, так как он не может свободно усваивать речь, поступающую из окружающего мира (радио, телевидение, беседы людей между собой, свободное чтение литературы любой сложности и т. д.). Только благодаря тому, что глухие обучаются словесной речи в специальных коррекционных школах, Церковь имеет большие потенциальные возможности для работы с ними. В противном случае (если бы глухие не владели речью), нам бы пришлось вернуться к варианту с «узнаванием жестов». И хотя в принципе, как мы указывали выше, мы допускаем возможность перевода богослужения на разговорный язык глухих, но это были бы уже не те богослужебные тексты, к которым мы все так привыкли и в конечном итоге, нам думается, мы всё равно начали бы учить глухих языку.

Сделав это небольшое отступление, представим себе глухого человека, который пытается считать с губ сурдопереводчика следующее: *«Обышедше обыдоша мя и именем Господним противляхся ими»*. Разумеется, что такой текст, как и большинство других богослужебных текстов³, будет совершенно непонятен для глухого. И даже если мы проведем специальное занятие по толкованию этой фразы, не факт, что в следующий раз глухой вспомнит её смысл. Обучение глухих церковно-славянскому языку очень длительный процесс с не всегда успешным результатом. Хотя, например, слабослышащие неплохо усваивают церковно-славянский язык, но об этом разговор отдельный.⁴ Таким, образом, мы приходим к выводу, что для глухого человека нужно адаптировать текст: *«Враги окружили меня, но именем Господним побеждаю их»* (сравните с вышеприведённым примером). Мы уверены, что большинство глухих знает каждое слово из последнего примера.

Здесь то и возникает проблема. Адаптируя текст (в нашем случае разбивая длинные предложения на более короткие, русифицируя некоторые слова, иногда уточняя и дополняя) не нарушаем ли мы церковный устав? Может переводчик (в этом смысле подобно священнику) частично изменять текст богослужения? Ведь даже если в храме будет служить священник, владеющий жестами (в этом случае проблема частично отпадает, так как священник никак не может артикулировать и притом вслух адаптированный текст), всё равно остаётся значительная часть текста, который «произносит» сурдопереводчик. Да, скажете вы, Литургию то можно, в конце концов, вы зубрить. Но, как мы уже говорили, глухим это гораздо сложнее, притом служится то не только Литургия, но много других, очень сложных в текстовом отношении богослужений. Речь идёт о принципе, который допустим или недопустим в Церкви. Фактом остаётся то, что, артикулируя богослужебный текст в точности по служебнику, сурдопереводчик крайне

³ Исключение составляют разве что ектении, которые в текстовом отношении гораздо проще песнопений и тайных молитв.

⁴ Слабослышащий человек отличается от глухого тем, что самостоятельно (на слух) может развивать свою речь.

затрудняет понимание глухими богослужения, не говоря уже о глухих «новичках» не понимающих в этом случае вообще ничего. В нашем храме, например, даже самые благочестивые и грамотные глухие и слабослышащие во время исповеди переводят для других молитвы ко причащению используя русский текст, так как самостоятельный сурдоперевод (и следовательно понимание) церковно-славянского варианта является для них очень сложным.

Не смотря на то, составленные нами пособия по сурдопереводу богослужений изданы по благословению правящего архиерея и что книги эти используются в богослужебной практике общин глухих Киева, Казани, Витебска, Новосибирска, Пскова и др., мы часто слышим упрёки в свой адрес за слишком «вольное» обращение с богослужебным текстом.

Наверное, чтобы понять кто прав, минимум, что нужно – это поговорить с глухими, понять их психологию, образ мышления, уровень овладения словесной речью. А уже потом подумать над тем, кем в каноническом отношении является переводчик. Никто же не будет, к примеру, ругать мирянина, читающего на Литургии русский текст её последования, так? Если сурдопереводчик это «уши» глухого, то может ли он являться и отображением своеобразия их мышления. Должен ли он быть точным изображением текста служебника? Или его можно сравнить со зримой всеми книгой на русском языке, которую читает мирянин на службе? Кому решать такие вопросы и надо ли их решать?

Обращаясь к дореволюционному опыту духовного просвещения глухих, хочется отметить труд законоучителя Санкт-Петербургского Училища Глухонемых протоиерея Александра Братолюбова «Пантомима молитв», представляющего собой сборник основных православных молитв и описание их передачи мимикой (жестами). В своём труде о. Александр пишет: «если бы мы стали точь в точь переводить наши слова на знаки, то превратили бы мимику в пользу нашего словесного или письменного словорасположения и не представили бы свойственного ей духа, и мимика, потеряв от того свой характер, сделается и будет непонятною».

Мы в данном случае пошли дальше, Не переходя больше чем нужно, на разговорный язык глухих (сохраняя в таких случаях «дух мимики»), мы адаптируем сам текст, чтобы он был максимально понятен. Жесты же идут поверх текста артикулируемого сурдопереводчиком. Сегодня нам представляется это самым оптимальным подходом к сурдопереводу богослужений. Надеемся, что в дальнейшем священноначалием будут приняты официальные решения по данному вопросу.